

высший уровень абстрактно-теоретического осмысления социального бытия, разрабатывает предельно общую теоретическую концепцию социальной реальности, исследует законы функционирования и развития общества. Но в настоящее время многие философы отказываются от рационализма и пытаются смотреть на мир с позиции иррационализма и мистицизма как тех адекватных средств, с помощью которых-то, по их мнению, и можно воспроизвести современное специфическое социальное бытие. Они предполагают, что алогичный мир требует соответствующего инструментария его отражения. Следует заметить, что с подобными проблемами философы встречались и раньше. Но при этом, как правило, не отказывались от рационализма в угоду иррационализму. Наоборот, рациональные принципы становились для них незыблемым методологическим основанием поиска истины и ответа на поставленные социальной практикой вопросы.

В свете сказанного выше представляется важным восстановить статус классического философского наследия, продуктивно его использовать для анализа современного социального бытия. Речь идет, таким образом, о восстановлении философии истории как самостоятельной специальности современной философской науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Г.Г. Шпета; отв. ред. М.Ф. Быкова. – М.: Наука, 2000. – 495 с.
2. Зиновьев, А.А. Великий эволюционный перелом / А.А. Зиновьев // Запад. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – С. 449–508.

3. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. А.М. Водена. – СПб.: Наука, 2005. – 479 с.
4. Августин, Блаженный. О Граде Божием / Блаженный Августин. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1296 с.
5. Кон, И.С. Философия истории / И.С. Кон // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 732–733.
6. Осипов, Г.В. Социология / Г.В. Осипов // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / Нац. общ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – С. 497–498.
7. Давыдов, Ю.Н. Социальная философия / Ю.Н. Давыдов // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / Нац. общ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – С. 468–469.
8. Момджян, К.Х. Социальная философия / К.Х. Момджян // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. – М.: «Мысль», 2001. – С. 609–611.
9. Семенов, Ю.И. Философия истории (общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю.И. Семенов. – М.: «Современные тетради», 2003. – 776 с.
10. Гобозов, И.А. Социальная философия: учеб. для вузов / И.А. Гобозов. – М.: Академический проект, 2007. – 352 с.
11. Келле, В.Ж. К вопросу о перспективах социальной философии в России XXI века / В.Ж. Келле // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Т. IV. Вып. 3–4 (13–14). – С. 52–56.
12. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

SUMMARY

The main stages of Philosophy of History as an important part of Philosophy from the ancient world to the XX century are described in the report. Special attention is drawn to reasons of difficulties in studying history. The findings contain the characteristic of the main problems of post-soviet Philosophy, such as the disciplinary status of Philosophy, its subject and topical field. Social philosophy, which substituted the historical materialism is interpreted as the main part of Philosophy, which is the most general theory of historical process, studies the essence, the driving forces, main laws and methods of its cognition, i.e. acts as the Philosophy of History.

Поступила в редакцию 17.04.2014 г.

УДК 141.8:338

С.А. Азардович,
аспирант кафедры философии БГПУ,
преподаватель истории ГУО «Гимназия № 174 г. Минска»

«ХОЗЯЙСТВОВАНИЕ» КАК ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СМЫСЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

В истории социально-философской мысли от времен Античности и до наших дней отчетливо прослеживается борьба двух видений роли и места экономики и хозяйственной деятельности в общественном бытии человека. В первом случае хозяйственно-экономическая деятельность интерпретируется как основа органичного бытия человека и определяется в философской традиции русского экзистенциализма через категорию «хозяйствование» [3]. В данном контексте хозяйствование – это определенная жизненная данность,

в которой происходит актуализация человеческого бытия через преобразующую деятельность. С.Н. Булгаков отмечал, что в понятии «хозяйство» раскрывается борьба человека с природной стихией в целях защиты и расширения осознавшей себя жизни. Суть этой борьбы понимается как стремление к очеловечиванию природы, то есть создание искусственного человеческого мира. Однако подлинным результатом этой борьбы становится актуализация бытия человека [3]. Поэтому хозяйствование интерпретируется, как способ органич-

ного бытия «человека». Так индивид стремится превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело с его органической целесообразностью, где механическая детерминированность природы заменяется свободной волей человека. «Хозяйство есть выражение борьбы этих двух метафизических начал – жизни и смерти, свободы и необходимости, механизма и организма» [3, с. 85].

Немецкий экономист Г. Шмоллер рассматривает категорию «хозяйствование» как определенную совокупность или замкнутый круг действий и отношений, вызываемых трудом и воздействием на материальный внешний мир, целью которого является поддержание бытия человека [18]. Русский философ Ю.М. Осипов определяет хозяйство как определенную сферу жизни, в которой разворачивается деятельность, хозяйствование, непосредственно связанное с производством и потреблением благ [11, с. 27]. А.А. Зиновьев понимает под хозяйством деятельность, направленную на создание искусственного мира (то есть того, чего нет в готовом виде в природе). Таким образом, хозяйствование – это создание материальной культуры, благодаря которой человек живет как «человек» [5, с. 110].

Во втором случае хозяйственно-экономическая деятельность воспринимается как нечто автономное от духовно-нравственной составляющей человеческого бытия. Такая деятельность представляется современному обществу как нечто самоценное и самоцельное, а ориентация на непрерывное умножение материальной выгоды представляется как высшее благо. В таком ключе понятие «человек» утрачивает безусловную самоценность и превращается всего лишь в одно из множества средств, умножающих материальную выгоду. Такая автономная сфера хозяйственной жизни, ориентированная на увеличение материального благополучия, справедливо определяется нами через понятие «экономика» [17].

Экономика – это общественная сфера, основанная на воспроизводстве капитала. Смысл существования этой хозяйственной системы – самовозрастание стоимости. Экономика как социальная практика, порожденная капитализмом, обусловила быстрое развитие западной цивилизации, которая смогла навязать свою логику всему остальному миру. Эта весьма динамичная цивилизация выражается через постоянное самовозрастание стоимости и сокращение издержек производства, будь то за счет научно-технической революции или за счет эксплуатации трудящегося. Результатом такого вектора развития стало умножение и дифференциация материальных благ, расширение разнообразия потребления, увеличение

производительности труда. Это был явный прогресс в создании «второй природы», но именно этот искусственный мир со всей отчетливостью проявил свое уничтожающее влияние на высшую гуманистическую ценность. Человек перестал восприниматься как нечто самоцельное в хозяйственной деятельности. «Никогда ранее до промышленной революции производство не было столь самоцельным и столь самоудовлетворяющим. Никогда ранее человек не был так поглощен производством и его совершенствованием... главным героем эпохи стал человек предприимчивый – индивид и эгоист, основной заботой которого был только эффект от собственной предприимчивости, своего дела» [10, с. 282].

Принцип продуктивности, характерный для современного социума, становится основным с XVI–XVII вв. В это время в Европе зародился капитализм, которому был присущ экономизм, или закон экономической целесообразности, когда все общественные отношения обязаны умножать прибавочную стоимость или, другими словами, капитал [16, с. 8–9]. Именно стремление к умножению капитала стало основным проявлением как личного, так и общественного бытия человека в ущерб более значимым с философской точки зрения аспектам. Как справедливо замечает П. Ульрих, разумный способ организации общественного хозяйствования должен был бы ориентироваться на жизненную целесообразность человека. В действительности в современной общественной системе экономизм предстает перед нами как принудительная логика анонимно действующих правил, которая «порой вступает в противоречие с нашими интуитивными представлениями о справедливой организации совместной жизни людей» [16, с. 9]. Экономизм, таким образом, представляет собой не саму экономику, а, выражаясь терминологией Ю.М. Осипова, дух экономики, ее ведущее и вдохновляющее начало, стремящееся подчинить экономической целесообразности все стороны общественной жизни, «превращая человека в мельчайший механизм, обслуживающий капитал» [11, с. 291].

Теоретическая экономика вышла из философии, дополняясь фактами из хозяйственной практики. Как и большинство других наук, экономика берет свое начало в философских концепциях Античности, где само понятие «экономика» имело четкое духовно-нравственное начало. Эта дефиниция включает в себя два понятия: место человеческого обитания или дом и, буквально, правило, закон. Экономика греками воспринималась как некое правило производства и потребления в его иерархическом единстве с духовными, ценностными и материальными проявлениями бытия чело-

века. Экономика в античной Греции – это единство человека, общества и божественного, сакрального мира. Как подчеркивает П.С. Толкачев, важность материального производства никто не отрицал, однако это был лишь необходимый фундамент для выстраивания более важных отношений. Здесь, прежде всего, подразумеваются отношения человека с божественным миром [15, с. 65].

Ксенофонт и Аристотель первыми ввели в оборот понятие «экономика», которое стало пониматься как форма гармоничного бытия человека в рамках домашнего хозяйства. Ей была противопоставлена хрематистика – это деятельность, направленная на получение выгоды, умножение богатства: «Что же касается образа жизни, посвященного наживе, то он какой-то неестественный и насильственный, и ясно, что богатство не включает в себе искомого блага, ибо богатство только полезно и служит средством для других целей» [1, с. 147]. В «Политике» Аристотель подчеркивает, что человеческое сообщество организуется и существует ради достижения «благой жизни», под которой ни в коей мере не понималось денежное богатство – это лишь средство для достижения более высокой цели, которая заключается в достойной жизни гражданина [1, с. 413]. Достойная жизнь – это жизнь, наполненная разумной душевной энергией и деятельностью, что никак не согласуется с накоплением капитала: «Благо человека заключается в деятельности души, соответствующей добродетели» [1, с. 153]. Жизнь, связанная с «добродетелью», не отрицала наличие собственности, но лишь подчеркивала конкретную направленность использования этой собственности. Аристотель определяет корни хрематистики в товарно-денежных отношениях, посреднической торговле и ростовщичестве, получивших широкое распространение в IV–III вв. до н. э. в средиземноморье. Аристотель, описывая природу неподлинного, противоестественного богатства, фактически представляет зачатки экономики накопления, которые в тот период времени по объективным причинам еще не могли реализоваться в полноценное социальное явление, определяемое нами как капитализм.

Этические и практические аспекты учения Аристотеля о хозяйстве были продолжены в работах крупнейших философов-теологов средневековья. Для Блаженного Августина влечение к деньгам понималось как один из трех смертных грехов, двумя остальными было влечение к сексуальной похоти [14, с. 56]. Хожение денег было ограничено и, как указывает известный медиевист Жак Ле Гофф, выполняло функцию эквивалента для обмена. Экономика носила преимущественно аграрный характер, а ориентация на обогащение рассматрива-

лась как смертный грех, что находит свое подтверждение в тексте Библии. Например, стих 31:5 из книги «Экклезиастик» («Премудрость Иисуса, сына Сирахова»), который гласит: «Кто любит деньги, едва ли избежит греха». Матвей, 6: 24: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне». Матвей, 19:23–24: «Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие». Единственным предназначением хозяйствования, признаваемым официальной Церковью, было жизнеобеспечение. Хозяйственная деятельность должна была обеспечить должный статус трех основных сословий средневековья: *qui oratore, qui bellatore, qui laboratore*. В смысловом пространстве, как указывает Ж.Л. Гофф, в средневековом обществе доминировали такие религиозные, моральные, социальные идеи, которые в целом противодействовали идеям накопления [8].

Хозяйственная деятельность начиналась там, где возникали потребности, связанные с обеспечением статуса, и заканчивалась там, где этот социальный статус был обеспечен. Как замечает В. Зомбарт, средневековый европейский крестьянин и ремесленник не имели любви к труду, что доказывается большим количеством времени, выделяемым обществом на непроизводительные нужды: карнавалы, религиозные действия. Одним из важнейших проявлений престижности, кроме роскоши, была праздность [2, с. 16]. Таким образом, хозяйственный цикл в средневековой хозяйственной системе заканчивался там и тогда, где и когда конкретная потребность удовлетворялась. Исходя из этого, данный тип хозяйствования справедливо может быть охарактеризован как «расходное хозяйствование» [5, с. 36]. Общество с «расходным хозяйствованием», а к таким относилось большинство докапиталистических обществ, не имел экономики как специфической общественной сферы, служащей для приумножения капитала. В таких исторических организациях была только сфера хозяйствования, которая подчинялась более важным социальным процессам и явлениям: религии, военно-имперской политике, общественному статусу.

Тем не менее человек в таком докапиталистическом обществе не мог свободно реализовывать свою потенциальность во всемерно развитую личность, что было связано с ограниченными производственными возможностями общества. В таком традиционно-аграрном социуме существовали разные фор-

мы отчуждения человека перед лицом Церкви, сословия, государства. Капиталистическая система способствовала росту производительных сил человечества, что дало основания для его эмансипации от многих форм социального отчуждения, но одновременно с этим индивидуум оказался зависим от абстрактной логики накопления капитала. Так было углублено отчуждение человека от своей родовой сущности. Ни буржуа, ни пролетарий не имели свободы от подчиняющего себе принципа экономической целесообразности.

Таким образом, неоспорим тот факт, что существующая сейчас глобальная капиталистическая система исторична, следовательно, имеет начало и будет иметь свое завершение. Ориентация человеческого бытия на умножение капитала как высшей общественной ценности не является чем-то извечным, а история имеет примеры альтернативных социальных систем, ориентированных на примат ценности человека перед лицом денег. Одной из ключевых общественных теорий, предложивших альтернативное видение человеческой жизни как свободного творческого саморазвития, стал марксизм, стремившийся обосновать неизбежность построения посткапиталистического общества, основанного на гармоничном взаимодействии человека, общества и природы.

Как замечает Ж. Деррида, марксизм – это не просто идеология, а возможность альтернативы существующему мировому порядку, возможность мыслить такую альтернативу. Первым фундаментальным достижением теории К. Маркса стало открытие «капитала» как самодвижущейся стоимости. «Капитал» в этой трактовке обладал самостоятельностью и самодостаточностью по отношению к собственнику, подчеркивая зависимость человека от экономической целесообразности. «Капитал – это не столько объект собственности, и не столько производственные отношения найма рабочей силы и эксплуатации ее с целью увеличения богатства, сколько естественно-исторический феномен самодвижущейся стоимости, преобразующей мир для продолжения своего движения» [12, с. 167].

Появление такого исторического явления, как капитал, обусловлено производством прибавочной стоимости, реальной предпосылкой которой является существование товаров. Как следствие этого, в капиталистической общественной системе все социальные связи и отношения приобретают свойство товара, то есть всякие связи и отношения должны гарантировать прирост капитала [9]. Таким образом, К. Маркс фактически приравнял капиталистическую экономику к хрематистике Аристотеля, так как она не имеет гуманистической направленности. Экономика в современном понима-

нии (как система деятельности, направленная на умножение прибыли) отрицалась К. Марксом и подвергалась критике, так как отчуждала человека как от результатов своего труда, так и от своей родовой сущности, выражаемой в творческом саморазвитии [7].

Таким образом, фундаментальное философское значение марксизма заключается не только в созданной им методологии, позволяющей критически анализировать существующую общественно-экономическую систему. Марксизм предложил социально-философские основания, позволяющие мыслить более справедливое, гуманное общество. Именно благодаря этому данная теоретическая концепция долгое время была символом прогресса, знаменем, вокруг которого объединялись те, кто желал добиться социальной справедливости.

Материальный мир в философии марксизма понимался как первоначальная основа человеческого бытия, где природа выступала как великая мастерская для человеческой практической деятельности. Благодаря труду осуществляется опредмечивание человеком самого себя, что единственно позволяет реализовывать свою потенциальность в предметном мире. Создавая предметы, преодолевая внешние обстоятельства или приспособляясь к ним, производя, реализуя в предметной среде свою сущность, человек одновременно изменяет самого себя, реализует свою родовую сущность.

Репрезентация дефиниции «человек» через категорию «деятельность» является классической для европейской философской традиции. Как идеалист Г.В.Ф. Гегель, так и материалист К. Маркс объясняли суть человека посредством деятельностного становления. Как отмечал Г.В.Ф. Гегель, «суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением» [4, с. 2]. Материальная сторона деятельности человека имеет два основания: одно связано с биологической природой человека и предполагает поддержание только существования, или, обращаясь к философии Г.В.Ф. Гегеля, «в-себе-бытия»; другое основание связано с созиданием принципиально нового. Именно второй аспект материальной деятельности завершает становление понятия «человек», определяет сущность, заложенную в этом понятии. Теперь, определяя родовую сущность человека, следует ответ – это осознанное становление через свободную, ответственную деятельность. Поэтому обоснованным выглядит наше утверждение, что суть хозяйственной деятельности в философии марксизма выражается в становлении личности. Так как свободное становление немислимо в социуме, где господствует

частная собственность, а один человек эксплуатируется другим, то освобождение потенциала человека может наступить только при построении бесклассового общества. Общество, в котором возможно свободное саморазвитие человека, определялось К. Марксом как коммунистическое – общество, в котором отсутствуют классовые антагонизмы [13].

Таким образом, в социальной философии можно обнаружить две конкурирующие концепции. Одна видит смысл человеческого бытия в умножении капитала, считая, что свобода предпринимательской деятельности, жажда наживы – это и есть подлинное бытие человека. В рамках такого подхода экономика стала чем-то самоценным, не требующим иных обоснований, кроме экономической целесообразности. Второй философский подход останавливается на том, что любая деятельность, любая сфера социальной жизни человека должна ориентироваться на развитие творческих способностей личности. Иными словами, не человек служит капиталу и экономике, а экономика необходима для удовлетворения жизненных потребностей, для создания условий, необходимых для творческого самовыражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск: Литература, 1998. – 1392 с.
2. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Д. Кралечкин. – М.: Академический проект, 2007. – 335 с.
3. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства сочинение: в 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во «Наука», 1993. – С. 446.
4. Гегель, Ф.Г. Феноменология духа. Т. 4 / Ф.Г. Гегель; пер. с нем. Г. Шпет. – М.: 1959. – 437 с.
5. Зиновьев, А.А. Логическая социология: избр. соч. / А.А. Зиновьев; сост. Ю.Н. Солодухина. – М.: Астрель, 2008. – 606 с.
6. Зомбарт, В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: пер. с нем. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2005. – 637 с.

7. Кагарлицкий, Б.Ю. Марксизм: введение в социальную и политическую теорию / Б.Ю. Кагарлицкий. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 320 с.
8. Ле Гофф, Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. М.Ю. Некрасова. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. – 224 с.
9. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы / К. Маркс. – М.: Академический проект, 2010. – 775 с.
10. Осипов, Ю.М. Опыт философии хозяйства / Ю.М. Осипов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 382 с.
11. Осипов, Ю.М. Время философии хозяйства: в 3 кн. / Ю.М. Осипов. – М.: Экономистъ, 2003. – 656 с.
12. Пшеницын, И.В. О хозяйстве и его философии / И.В. Пшеницын // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2010. – № 1. – С. 161–165.
13. Рокмор, Т. Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса / Т. Рокмор. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2011. – 400 с.
14. Семерник, С.З. Экономизм как деструктивный фактор развития общества / С.З. Семерник // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2012. – № 3. – С. 138–147.
15. Толкачев, П.С. Духовно-нравственные начала экономики / П.С. Толкачев // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2011. – № 2. – С. 65–98.
16. Ульрих, П. Критика экономизма / П. Ульрих; пер. с нем. И.П. Смирнов. – М.: Вузовская книга, 2004. – 120 с.
17. Хайек, А.Ф. Частные деньги / А.Ф. Хайек; пер. с англ. Б. Верпаховский. – [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 24.02.2014.
18. Шмоллер, Г. Народное хозяйство: Наука о народном хозяйстве и ее методы / Г. Шмоллер; пер. с нем.; вступ. ст. А.А. Мануилова. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 168 с.

SUMMARY

From the times of antiquity and up to now in the history of social and philosophical thought the fight of two images of the role and the place of economy and economic activity in public life of the person is distinctly observed. In the first case economic activity is interpreted as a basis of organic life of people and is defined in philosophical tradition by the category of «managing». In the second case economic activity is perceived as something autonomous from spiritual and moral existence. Such an activity is represented to modern society as something self-valuable and self-integral; so far the orientation to continuous multiplication of material benefit is represented as the highest blessing.

Поступила в редакцию 08.04.2014 г.

УДК 141.4:27«20»

В.В. Кузнецов,

преподаватель кафедры философии БГПУ

ЛЕВОРАДИКАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ ХРИСТИАНСТВА В НАЧАЛЕ XXI в.

Как известно, первые социальные революции в Западной Европе (от крестьянской войны в Германии 1525 г. до Великой Английской революции 1642 г.) прошли под руководством идеологии реформированного христианства – протестантизма. В результате этих революций в ряде западноевропейских стран прошли буржуазные преобразования, которые позволили этим странам первыми

вступить на путь техногенного развития. В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» выдающийся социальный мыслитель XX в. М. Вебер показал, насколько важную роль сыграл протестантизм в социальных преобразованиях, которые происходили в передовых странах Запада в XVI–XVII вв. Однако он полагал, что после раннего предпринимательского капитализма западноевропейское общество